

«Cholera-morbus» в Москве как литературная ситуация***Светлана Ермоленко**Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия**“Cholera Morbus” in Moscow as a Literary Situation****Svetlana Ermolenko**Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the cholera epidemic (cholera morbus), which first shook Russia in the early 1830s, and more precisely, the time when cholera reached Moscow (summer and autumn of 1830). The article draws on numerous pieces of documentary evidence from those years and later. The cultural and historical approach to studying them makes it possible to present a “bitterly deplorable picture of the dying humanity” and assess the degree of fear and depression in people in the face of the “Indian infection” previously unknown to medicine. The article interprets “cholera morbus” as a fact that is tragically significant not only for Russian public life but also as a literary situation in which a human being faces death. Using the biographical method, the author studies the literary situation referring to the creative behaviour of two authors, A. A. Orlov, and M. Yu. Lermontov. Orlov entered the history of Russian literature as a “grassroots writer” (A. I. Reitlat) known as the author of parody arrangements of the “Vyzhigin” novels by F. V. Bulgarin. However, Orlov also wrote the “Moscow story” known as *The Meeting of Plague with Cholera*, or *The Sudden Destruction of all Human Intentions* (1830), which, due to the established literary reputation of the author, does not attract researchers’ attention. The article notes that by parodying the genre form of a vision traditionally designed for the mass reader, Orlov fills it with cutting-edge content and even sends a civic message encouraging readers and instilling faith in God and the Sovereign. Staying in Moscow for the entire epidemic, M. Yu. Lermontov would for the first time get real experience of facing death, which would be reflected in his work. Analysing the poems of different genres (*Plague in Saratov*, *Plague (Excerpt)*, *Grave of a Fighter*, *Death – Sunset Burns with*

* Citation: Ermolenko, S. (2023). “Cholera Morbus” in Moscow as a Literary Situation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 1. P. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774.

Цитирование: Ermolenko S. “Cholera Morbus” in Moscow as a Literary Situation // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 1. P. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774 / Ермоленко С. «Cholera-morbus» в Москве как литературная ситуация // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774.

a Fiery Streak...) created in 1830 during the cholera epidemic (as evidenced by the marks in the autograph), the author of the article concludes that cholera morbus was perceived by the young poet, unlike the creator of the "Moscow story", not in a particular historical aspect but in philosophical terms. The experience of death, aggravated by the "picture of the dying humanity", contributed to Lermontov's comprehension of the eternal antinomy of being in its dialectical unity. Death and life, death and immortality would become a cross-cutting theme in Lermontov's work giving it philosophical depth and timeless content.

Keywords: cholera morbus, A. A. Orlov, M. Yu. Lermontov, creative behaviour, image of death, lyrical poetry

Статья посвящена холерной эпидемии («Cholera-morbus»), потрясшей Россию в начале 1830-х гг. Привлекаются документальные свидетельства и эго-документы тех лет и более позднего времени, сохранившиеся в дореволюционных периодических изданиях. Их изучение позволяет представить, по словам одного из очевидцев, «горько-плачевную картину вымирающего человечества», оценить степень страха и подавленности людей перед «индийской заразой», неизвестной прежде медицине. «Cholera-morbus» осмысливается в статье не только как факт, трагически значимый для русской общественной жизни, но и как литературная ситуация, в центре которой представлен человек перед лицом смерти. Литературная ситуация исследуется на примере творческого поведения двух разных авторов – А. А. Орлова и М. Ю. Лермонтова. А. А. Орлов вошел в историю отечественной словесности как «низовой литератор» (А. И. Рейтблат), известный как автор пародийных переложений «выжигинских» романов Ф. В. Булгарина. Орлову принадлежит и «московская повесть» «Встреча Чумы с Холерою, или Внезапное уничтожение всех замыслов человеческих» (1830), которая в силу сложившейся литературной репутации автора не привлекает внимание исследователей. Показано, что, пародируя жанровую форму видения, традиционно рассчитанную на массового читателя, Орлов наполняет ее остросовременным содержанием и даже гражданским пафосом, ободряя читателей, вселяя веру в «Бога и государя». М. Ю. Лермонтов, находясь в Москве весь эпидемический период, впервые получит реальный опыт пребывания перед лицом смерти. Анализируя разножанровые стихотворения («Чума в Саратове», «Чума (отрывок)», «Могила бойца», «Смерть» – «Закат горит огнистой полосой...»), созданные в 1830 г. во время холерной эпидемии, автор приходит к выводу, что «Cholera-morbus» воспринималась юным поэтом, в отличие от создателя «московской повести», не в конкретно-историческом, а в философском плане. Переживание смерти, обостренное зрелищем человеческих страданий, способствовало постижению Лермонтовым вечной антиномии бытия в ее диалектическом единстве. Смерть и жизнь, смерть и бессмертие станут в лермонтовском творчестве сквозной темой, сообщающей ему философскую глубину и вневременное содержание.

Ключевые слова: «Cholera-morbus», А. А. Орлов, М. Ю. Лермонтов, творческое поведение, образ смерти, лирика

В 1830–1831 гг. Россию впервые потрясла эпидемия холеры, или «чумы», как тогда называли неизвестную прежде болезнь. Хотя отдельные проявления этой смертоносной «индийской заразы», пришедшей из «глубин Азии», с берегов Ганга и Брахмапутры, фиксировались на территории Российской империи и раньше, но именно летом и осенью 1830 г., когда холера из Поволжья постепенно добралась до «старой» столицы – Москвы, положение стало критическим.

Сохранившиеся документальные свидетельства – мемуары, дневники, письма современников – доносят до нас атмосферу того времени, рисуют поистине апокалиптические картины городов и селений, отравленных «чумой»: красно-багровые пятна на небосклоне от горящих днем и ночью костров с «подливаемою в них смолою» («для очищения воздуха»), смрад от дымящихся куч навоза, горящего можжевельника, запахи хлора, серы, извести, уксуса, чеснока... И на этом зловещем фоне бродят «в глубоком унынии» обезумевшие от страха и страдания люди с зажженными факелами, в покрывалах, с завязанными по самые глаза лицами, натертыми (в соответствии с медицинскими указаниями тех лет) дегтем и нефтью. Пастор Иоганн Самуэль Губер, в то время член лютеранской консистории в Саратове – эпицентре холерной эпидемии, заносит 6 августа 1830 г. в свой дневник:

Обыватели приведены в какой-то тупой ужас... <...> Все страдали... судорогами... руки и ноги... холодели и синели, все тело обливалось холодным потом, под ложечкой давило, жажда была нестерпима и ничем не утолима; во рту и в горле жгло [Дневник пастора Губера, с. 581, 582]¹.

Все человеческие чувства притуплялись: не было даже слез по умершим, а был лишь один животный страх, подавляющий элементарное сострадание к ближнему. В дневнике другого современника читаем:

Мнимо умершие и, видимо, находившиеся в обмороке страдальцы, быв плохо осмотренными, под предлогом предупреждения заразы по распоряжению врачей засыпались известью и с полопавшими[ся] от нее глазами, с сожженным ртом и в жестоких мучениях внятным шепотом молили о пощаде [Шомпулев, с. 266].

Медицина того времени, не знакомая доселе с опасной заразой, практически ничем не могла помочь: заболевший холерой, как правило, угасал за одни сутки. «Бывало, смотришь на эту горько-плачевную картину вымирающего человечества, – вспоминает другой

¹ За активное участие в помощи больным во время эпидемии холеры в поволжских губерниях в 1830 и 1838 гг. И. С. Губер был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

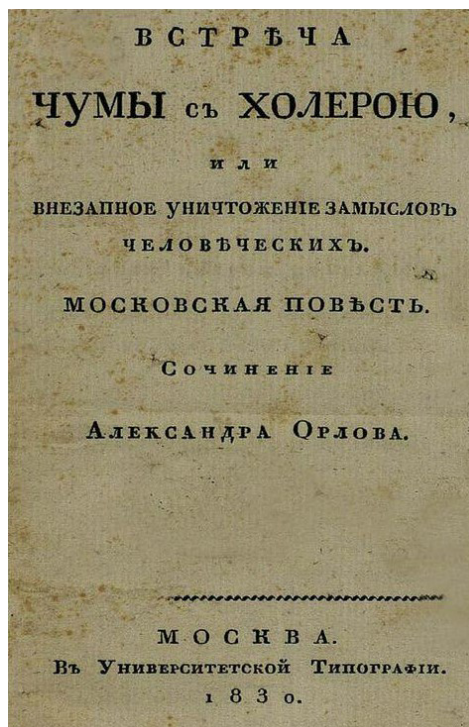
очевидец, – волосы дыбом поднимались и темнело в глазах» [Попов, с. 197]. Тут и там вспыхивали холерные бунты: обыватели громили больницы, холерные бараки, убивали врачей, полагая, что они нарочно травят больных, доводя их до смерти. А. И. Герцен вспоминал:

Москва приняла совсем иной вид. <...> Экипажей было меньше, мрачные толпы народа стояли на перекрестках и толковали об отравителях; кареты, возившие больных, шагом двигались, сопровождаемые полицейскими; люди сторонились от черных фур с трупами. <...> Все это сильно занимало умы, страх перед болезнью отнял страх перед властями, жители роптали, а тут весть за вестью – что тот-то занемог, что такой-то умер [Герцен, с. 124].

Отсутствие достоверной информации порождало разного рода слухи и поверья: народная молва представляла холеру то в виде злой старухи со страшным лицом, то в виде смерти с косой, то в виде огромной черной птицы со змеиными головами и хвостом, которая летает по ночам, где заденет крылом какой-нибудь водоем, там и случится мор.

Опираясь на народные представления, изобразил холеру в своей «московской повести» «Встреча Чумы с Холерою, или Внезапное уничтожение замыслов человеческих» Александр Анфимович Орлов (ил. 1) [Орлов]². Холера предстала в ней в виде «мертвенно-багровой» женщины «чудовищной и величины необыкновенной», имевшей «тысячи крыл», со «змеиной головой» и «всепожирающей гортанью», с «впалыми глазами», взор которых «был смертоносен».

Графоман, бездарный подражатель, представитель стано-

1. Титульный лист первого издания повести А. А. Орлова

Front page of the first edition of A. A. Orlov's story

² Здесь и далее книга А. А. Орлова цитируется по изданию: [Орлов]. Сохранена орфография оригинала.

вающейся массовой литературы – так обычно характеризуется в литературоведении А. А. Орлов³. Сам же «низовой литератор» Орлов [Рейтблат, с. 198, 360] не без гордости называл себя народным писателем, потому что умел, как он считал, разговаривать с читателем из простонародной, подчас полуграмотной среды (крестьяне, ремесленники, мещане, разночинцы, мелкие чиновники) на понятном ему языке⁴. Именно это умение и принесло успех «повести» Орлова, которая, получив цензурное разрешение на публикацию 7 октября 1830 г. (цензор С. Т. Аксаков), сразу же разошлась по Москве, выдержав вскоре и второе издание.

Пародируя жанровую форму видения, традиционно рассчитанную на православного широкого читателя и представлявшую «благодаря таинственности своей основы» «удобную форму» для агитации [Ярхо, с. 42], Орлов наполняет ее остросовременным содержанием. «Чухломские жители»⁵ Кручинин, «человек военный», «смельчак», и Скудоумов, напротив, робкий и пугливый, когда им наскучило «жить в своих деревушках» да «поваливаться по теплым лежаночкам», отправились «в белокаменную Москву» прямо в разгар эпидемии. Но как только «чухломитяне» стали «подвигаться» к Крестовской «заставе»⁶, «лошади начали становиться на дыбы, тревожиться и пугаться», и взорам едущих предстало «неслыханное и невиданное чудо». Не во сне (как это обычно происходит в видениях), а наяву увидели они «двух необыкновенных женщин» («Женщины везде и всегда необыкновенны; но тут было не на шутку», – иронически вмешивается в повествование автор) – Холеру и Чуму, между которыми и происходит диалог. На вопрос Чумы: «...что такое ты, Холера?» – та отвечает:

³ В историю русской литературы А. А. Орлов (ок. 1790–1840) вошел как автор пародийных переложений «выжигинских» романов Ф. В. Булгарина («Родословная Ивана Выжигина». Ч. 1–4. М., 1831; «Смерть Ивана Выжигина». М., 1831; «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина». М., 1831) и «герой» полемической статьи А. С. Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» за подписью «Феофилакт Косичкин» (1831). Иронически называя А. А. Орлова своим «почтенным другом», А. С. Пушкин сравнивает его с Ф. В. Булгариным («два блистательные солнца нашей словесности»): «Согласен, что сей великий писатель (Булгарин. – С. Е.), равно почтенный и дарованиями, и характером, заслужил бессмертную себе славу; но произведения г. Орлова ставят московского романиста если не выше, то, по крайней мере, наравне с петербургским его соперником» [Пушкин, т. 7, с. 249]. «Бездарный пародист Орлов автору “Выжигиных” был страшнее, нежели просто графоман Орлов. Именно на этот эффект и рассчитывал Пушкин, уравнивая в своей статье “оригинальные” произведения Булгарина с нелепыми пародиями, созданными на их основе» [Березкина, с. 185].

⁴ Н. В. Гоголь пишет А. С. Пушкину 21 августа 1831 г.: «Кстати о черни, знаете ли, что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов» [Гоголь Н. В. – А. С. Пушкину].

⁵ Чухлома – образ глухой провинции, медвежьего угла, традиционно сложившийся в русской литературе.

⁶ Крестовская застава – в давние времена околица Москвы, отсюда начинался долгий путь паломников на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Застава – своего рода граница, отдающая, по народным поверьям, мир земной и мир иной, поусторонний. Не случайно именно у заставы происходит встреча главных героев «повести» Орлова с Чумой и Холерой.

Я есмь самое гнилое существо или, лучше сказать, самая гниль, самая нечистота, эссенция всего смрадного, тлетворного, ядовитого; я есмь все то, что может породить раздраженное против человечества Небо. <...>
...Нравственное развращение людей есть магнит, влекущий меня.

Перед читателем проходит вереница не столько образов героев, сколько персонажей, эскизно схваченных бойким пером автора, московских обывателей, которые изредка встречаются «чухломитянам» при «въезде» в Белокаменную («Улицы были пусты, и вместо прежнего шума воцарялось глубокое молчание»). Первым им встретился дядя Влас, их «старинный приятель», хозяин постоянного двора. Он деловито «похаживал по двору», окуривая, согласно медицинским предписаниям, «можжевельником все углы и столбы своего двора» и ворчливо рассуждая: «оно хорошо покуривать можжевельничком для духу; а уж верить, чтоб чеснок был вседействующее лекарство – я не согласен».

Потом увидали Кручинин и Скудоумов «человека лет тридцати», дрожащего от холода, продающего свой «капот за самую дешевую цену», чтобы спасти от голода «пять человек детей» («страшные челюсти голода, кажется, столь же ужасны, как и челюсти Холеры»).

Кручинин и Скудоумов становятся свидетелями «странного анекдота» – ссоры двух пьяных, «из коих один закричал: “Я Холера!”, другой же, не говоря, ударил его так сильно, что он упал на землю, и сказал: “А я Доктор. Вот видишь, и Доктор может побеждать Холеру”». Так наглядно, картинно читателям внушалась ободряющая мысль о том, что с «Божией помощью», «при необыкновенном попечении правительства» медицина способна «оказывать... значительные успехи». «Но и человеческими предосторожностями, – благоразумно добавляет Кручинин, – пренебрегать не надлежит».

В текст «московской повести» входит вставная «стихотворческая» повесть «Неумолимый кредитор похищается Холерою», персонаж которой, не способный к состраданию, милосердию (разоряет семью бедняка-«несчастливца», не жалея голодных «малых детушек»), наказывается за свое сребролюбие («не чтит он Слова Вечного / Серебро лишь ценит дорого»):

...и старца лютого
Потащили в дом не каменный;
Потащили, ах! в сыру землю.
От могилы не откупишься.

В противоположность алчному «кредитору», а также всем тем, у коих «железные сердца» («они забыли, что сами человеки... что неумолимая смерть, может быть, похитит их скорее, нежели самого последнего бедняка»), называются имена «добродетельных людей» (реальных исторических лиц с указанием их конкретных благодеяний), которые, невзирая на опасности, «будучи тронуты человеколюбием, спешают на помощь страждущему человечеству»: «московский купеческий сын» Борис Васильевич Страхов (продает «муку, вместо

150 к. по 80 коп. за пуд», тем самым сдерживая рост цен); Григорий Максимович Шелапутин (на своем заводе «отпускает хлоринову воду», употребляемую для обеззараживания, «безденежно»); надворный советник Фавст Петрович Макиеровский (свой дом «единственно из человеколюбия отдал под больницу безденежно»). Так вымысел сочетается с реальностью, вследствие чего в «московской повести» Орлова возникает агитационный посыл: эти люди должны стать для других примером деятельного сострадательного участия⁷.

Когда Скудоумов увидал, что из Москвы, «запасшись чайком, сахарком, винцом всякого рода», поскакали «на быстрых конях» «в свои деревеньки, изобилующие всякого рода хлебом, гуськами, курками, цыплятками, молочком и маслицем», его братья, «родные и двоюродные», он тоже собрался было последовать за ними. Но «вожатый» его, Кручинин, «принявши бодрый дух», закричал:

Вороти в Москву, ибо катят из Москвы те, в которых она не имеет нужды. В Москве остались патриоты, ищущие разделить опасность с своими согражданами, жертвующие для блага Отечества своими трудами, имуществом, даже жизнью, надеясь на Бога и государя (курсив наш. – С. Е.).

Автор сообщает речи Кручинина ораторский, прямо гражданский пафос, явно рассчитанный на широкую читательскую аудиторию.

В финале «повести» Кручинин со Скудоумовым все же порешили поскорее «убраться» из Белокаменной в свой «пресловутый град Чухлому» от греха подальше (как бы не приняли ненароком идущего «из гостей», а потому слегка «припадающего», за больного и, «посадя в колымагу, не отвезли бы в больницу»).

Натвердили и наладили: «Cholera morbus! Cholera morbus!» А что такое за morbus? Выхав за заставу, они закричали в один голос: «Не хотим Холеры! Не хотим Холеры!» Конец.

Так с помощью гротескно-фантастических образов и живых картин из народного быта автор рассказывает о холере, о медицине, о действиях властей, успокаивая и наставляя (в соответствии с пародийно осмысленной религиозно-дидактической установкой жанра) испуганных обывателей: «Надежда на Бога не посрамит; Царь Праведный спасет и народ свой».

⁷ Примеров милосердия, как свидетельствуют источники, в тогдашней Москве было множество. Так, В. М. Остроглазов, начальник Московского врачебного управления, ссылаясь на выходившие ежедневно с начала эпидемии «Ведомости о состоянии города Москвы» (редакторы – адъюнкт-профессор Московского университета М. П. Погодин и глава Придворной медицинской части доктор Марвус (проф. М. А. Маркус (?). – С. Е.), пишет: «граждане Москвы явили себя вполне достойными; все приносили они в жертву для несчастных собратий – достояние, знание, труды, силы, здоровье и жизнь! Нес в жертву едва ли не всякий что только мог, начиная от какой-либо пары туфель для больницы до десятков тысяч рублей. Несли мыло, свечи, подсвечники, ложки, плевательницы, термометры, носилки, холсты, шубы, сапоги, валенки, чулки, тарелки, вилки, и пр., пр.» [Остроглазов].

Полностью избавить народ от паники и страха не мог не только А. А. Орлов своей «духоподъемной» «Встречей Чумы с Холерою», но даже и Николай I, прибывший в Москву через три дня после официального начала эпидемии и остававшийся в ней, несмотря на опасность заражения, две недели, о чем восторженно писал автор «московской повести»:

...Радость, благодарность, удивление, доверенность, преданность... все со слезами на глазах благословляли имя царя добродетельного и великодушного, который в такую важную минуту утешал Своих верных подданных. Помазанник Божий привез нам Божией милости [Орлов]⁸.

«Великодушное посещение государя воодушевило Москву, но он не мог быть одновременно во всех 16-ти зараженных губерниях. Народ подавлен и раздражен», – напишет А. П. Пушкин Е. М. Хитрово позже, 9 декабря 1830 г. [Пушкин, т. 10, с. 825 (пер с франц.)].

В отличие от А. С. Пушкина, который самые опасные холерные месяцы проведет в деревенском заточении, ставшем для него знаменитой Болдинской осенью⁹, М. Ю. Лермонтов встретит холеру в Москве, куда он вместе с бабушкой Е. А. Арсеньевой приедет в 10-х числах августа и, поселившись в доме на Малой Молчановке, останется там до конца эпидемии. Холерный период 1830 г. в творчестве Лермонтова обычно не привлекает внимание исследователей. Лермонтов – никому не известный начинающий поэт, которому вот-вот исполнится 16 лет. В сентябрьском номере журнала «Атеней» (1830, ч. 4) появится первое (напечатанное) стихотворение Лермонтова «Весна» (за подписью «L», написанное, вероятно в начале 1830 г.).

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуянные поля,

⁸ А. А. Орлов цитирует «Ведомости о состоянии города Москвы», где сообщалось о приезде императора: «Нельзя описать восторга, с которым встретил его народ, тех чувствований, которые изображались на всех лицах: *радость, благодарность, удивление, доверенность, преданность...* Все со слезами на глазах благословляли имя Царя добродетельного и великодушного, который в такую важную минуту так утешил своих верных подданных... Помазанник Божий привез нам Божией милости, говорили они друг другу... (курсив наш. – С. Е.)» [цит. по: Остроглазов]. Известно, что под впечатлением этого события А. С. Пушкин напишет стихотворение «Герой», сопроводив его пометой: «29 сентября 1830 года. Москва» (день приезда царя в Москву, охваченную холерой), – в котором поэт вспоминает легенду о посещении Наполеоном чумного госпиталя в Яффе в 1799 г., рассчитывая на читательскую способность к ассоциативному мышлению.

⁹ «Нынешняя осень была детородна», – с удовлетворением признается Пушкин 4 ноября 1830 г. в письме другу А. А. Дельвигу [Пушкин, т. 19, с. 313].

Мечтание злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей...
[Лермонтов, т. 1, с. 81]¹⁰.

Вряд ли это стихотворение с явными следами ученичества и уже «стертыми» романтическими штампами (традиционные мотивы быстротечности времени, грусти об отцветшей молодости) было замечено читателями. Однако Лермонтов уже автор «Молитвы» («Не обвиняй меня, Всесильный...», 1829), написанной еще мальчишеской, но уже гениальной рукой. Уже начата работа над поэмой «Демон» (1829), которая станет одним из вершинных созданий поэта, почти одновременно (весна – лето 1830 г.) пишутся драмы «Испанцы», «Menschen und Leidenschaften».

В отличие от 31-летнего А. С. Пушкина, написавшего в своей вынужденной болдинской изоляции за три месяца 19 писем (последние два – из деревни Платава, что в 72 верстах от Москвы, где поэт находился в карантине), М. Ю. Лермонтов ни в письмах, ни в немногочисленных автобиографических заметках не оставил ни одного свидетельства пережитого им в охваченной холерой Москве. И все же по крайней мере четыре стихотворения, созданные в короткий промежуток времени, с середины августа по начало октября, связаны с холерной эпидемией: «Чума в Саратове» («В автографе рядом с заглавием помета рукой Лермонтова в скобках: “Cholera – morbus” и дата: “1830 года августа 15 дня”» (т. 1, с. 410)); «Чума (отрывок)» («В автографе, после первого стиха – дата в скобках, приписанная Лермонтовым позже: “1830. Августа”» (т. 1, с. 412)); «Могила бойца» («В автографе под текстом – дата: “1830 год – 5 октября. Во время холеры-morbus”» (т. 1, с. 414)); «Смерть» – «Закат горит огнистой полосой...» (под текстом – дата: «1830, октября 9» (т. 1, с. 415))¹¹. Это позволяет усомниться в истинности признания Лермонтова: «в 15... лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве...» (автобиографическая заметка 1830 г.) [Лермонтов, т. 6, с. 387]. А «впечатлений» в эту тревожную осень 1830 г., надо полагать, было достаточно. И живой ум юного поэта не мог не реагировать на них.

«Чума в Саратове» – первое стихотворение, которое является откликом на известия о холере, поступавшие из Нижнего Поволжья. Эпицентром холеры, которая приближалась к Москве, как уже отмечалось, был Саратов.

¹⁰ Здесь и далее сочинения М. Ю. Лермонтова цитируются по этому изданию с указанием в тексте в круглых скобках номера тома и страницы.

¹¹ Курсив в пометах Лермонтова наш. – С. Е. Кроме указанных стихотворений, в «холерный» период были написаны также «Нищий» (17 августа), «Стансы» – «Взгляни, как мой спокоен взор» (26 августа), «Ночь» – «Один я в тишине ночной...» (28 августа), «Свершилось! Полно ожидать», «Итак, прощай! Впервые этот звук» (1 октября), «Глупой красавице» – «Амур спросил меня однажды» (4 октября).

I

Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

II

Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста, волшебницы очей,
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сладкость их испив,
Я деву некогда забыл

(т. 1, с. 151).

Несмотря на точное указание «места действия» в заглавии стихотворения – Саратов, события – «Чума явилась в наш предел...», конкретика, казалось бы, подкреплённая еще и пометами в автографе («Cholera – morbus» и «1830 года августа 15 дня»), снимается литературной условностью самой элегической ситуации¹². Суть этой ситуации – переживание возможной, но в воображении лирического героя как бы уже и «реальной» смерти «девы»:

Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.

«Теперь» же, испытывая вину за то, что «деву» «некогда забыл», герой готов «яд смерти» пить, «лобзая» ее мертвые уста¹³.

Как отмечает О. В. Зырянов, «в русской поэтической традиции ситуация любви к мертвой возлюбленной предстает, как правило, в двух

¹² Ситуация здесь – «отдельное, относительно завершённое положение, “сцена” в картине сюжета», в которой завязываются “узлы микроконфликта”, создается «ощущение глубины сцены», охватывающей «малым действием участвующих в ней персонажей» [Трехнев, 1997, с. 159].

¹³ Неожданная перекличка с «Пиром во время чумы» («маленькую трагедию», написанную Пушкиным в Болдино 6 ноября 1830 г. и опубликованную в 1832 г., Лермонтов в момент написания стихотворения «Чума в Саратове», разумеется, знать не мог), укрепляющая в мысли о литературности изображенной в стихотворении ситуации:

И девы-розы пьем дыханье, –
Быть может... полное Чумы
[Пушкин, т. 5, с. 419].

основных видах: в форме либо литературного вымысла, либо... психологически достоверной биографической драмы» [Зырянов, с. 74]. У Лермонтова именно тот случай, когда ситуация, заключающая в себе «сюжетообразующие возможности», предстает как плод воображения лирического героя, как «литературный вымысел». Потому попытки «документально точно» прочесть стихотворение, установив время посещения Лермонтовым Саратова, прототип «девы» – «забытой» возлюбленной поэта (вообще-то еще 15-летнего мальчика) и тем самым закрепив его за саратовским топосом, не представляются научно оправданными¹⁴. Саратов в лермонтовском стихотворении лишь «*morbus*» – знак беды, смертельной болезни, вводящий в контекст событий.

Та же «ситуация любви к мертвой возлюбленной», но в перевернутом виде, используется в стихотворении «Смерть»:

Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом...

В этом стихотворении лирический герой воображает не смерть возлюбленной, а собственную смерть и мысленно обращается к «ней»:

...О, пожалей о мне, краса моя!
Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно
(т. 1, с. 173).

Набор устойчивых поэтических штампов «во вкусе» унылой кладбищенской элегии («закат», горящий «огнистой полосой», «безжизненный, холодный мертвец», «сердце опустелое», «недвижное, бледное чело», «прощальные уста», «ланиты», «чуждые руки», «сырая земля», «краса моя») и наконец этот апофеоз романтического максимализма: «Мой дух утонет в бездне бесконечной!..» – все свидетельствует о книжно-условном характере лирической ситуации и лирического переживания, воплощенном в стихотворении. Помета под текстом «1830, октября 9», как и в предыдущих стихотворениях, лишь указание даты написания «Смерти».

Стихотворение «Могила бойца (дума)», по мнению М. К. Азадовского, посвящено теме борьбы за освобождение русской земли от татаро-монгольского ига и связано с замыслом драматической поэмы «Мстислав Черный» [Азадовский, с. 229]. О. В. Миллер же полагает, что подзаголовок «Дума» может указывать на соотнесенность стихотворения с думами К. Ф. Рыльева. Но, в отличие от рылеевских

¹⁴ См., например, «журналистское расследование»: [Прокопенко].

дум, дума Лермонтова, в которой воспроизводится «облик древнерусского воина», наводившего некогда страх на врагов («...лик его врагов / Бледнел, когда являлся он / Один средь их рядов»), а теперь спящего «последним сном», «не связана с какими-либо конкретными историческими событиями и лицами» [Миллер, с. 282]. Точно так же и пометы в автографе под текстом («1830 год – 5 октября. Во время холеры-morbus») не указывают на прямую соотнесенность с современными поэту событиями – холерной эпидемией. Возможно, что эпидемия, как и в случае с предыдущими стихотворениями, лишь обостряла переживание Лермонтовым смерти – постоянной темы его творчества.

Несколько иначе воспринимается стихотворение «Чума (отрывок)» («В автографе после первого стиха – дата в скобках, приписанная Лермонтовым позже: “1830. Августа”. <...> Не исключена возможность, что стихотворение написано в первых числах сентября, когда холера появилась в самой Москве» (т. 1, с. 412)). Остановимся на «Отрывке» подробнее, поскольку в нем более отчетливо, чем в уже упомянутых стихотворениях, проявилась оригинальность поэта.

Этот «странный отрывок» (Л. В. Пумпянский) написан в жанре фрагмента – характерной для лермонтовской поэзии жанровой форме¹⁵, воспринятой поэтом через призму уже сложившейся романтической традиции [см.: Сандомирская; Смирнов, с. 115–118; Ермоленко; Зейферт; и др.], но еще не канонизированной, не «отвердевшей», ощущаемой как именно новый становящийся жанр. Жанр отрывка (фрагмента) основан на диалектическом единстве внешней, формальной незавершенности, незаконченности, фрагментарности и внутренней семантической завершенности образа миропереживания. Если внутренняя завершенность есть свойство всякого художественного целого, то акцентированная «отрывочность» выступает как «прием, метод конструкции» именно жанра фрагмента [Тынянов, 1977, с. 263].

Фрагментарность проявляется в невольной или чаще всего намеренной оборванности лирического сюжета, которая может быть подчеркнута различными способами. В нашем случае таким способом выступает «эквивалент текста» («заменитель» сюжета, строфы или отдельных строк, рифмы), обычно графически обозначаемый отточием (особенно выразительным в финале произведения).

Ю. Н. Тынянов справедливо подчеркивал, что в семантическом отношении роль отсутствующего, неизвестного текста, «внедренного» при помощи его «эквивалента» «в непрерывную конструкцию стиха, неизмеримо сильнее роли определенного (то есть реально существующего. – С. Е.) текста: момент такой частичной неизвестности заполняется как бы максимальным напряжением недостающих элементов – данных в потенции», что необычайно динамизирует художественную форму [Тынянов, 1965, с. 47]. Вот почему именно в жанре фрагмента столь значительна

¹⁵ Помимо стихотворения «Чума (отрывок)», в жанре фрагмента Лермонтовым были написаны также «отрывки» «На жизнь надеяться страшась...» (1830), «Приметив юной девы грудь...» (1830), «Три ночи я провел без сна – в тоске...» (1831).

функция «эквивалента текста», позволяющего намекнуть на нечто гораздо большее в сравнении с тем, о чем прямо и непосредственно говорится в стихотворении.

Лермонтов в «Чуме» не пытается воссоздать «горько плачевную картину вымирающего человечества» во всех ее выразительных деталях. В центре «отрывка» – история двух друзей, которые в обстановке «тупого ужаса» оставались верны друг другу. В «страшный год», «когда всех занимала смерть одна», они «хранили чувство дружбы»:

Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы – и страна
Веселья – стала гроб – и в эти дни
Без страха обнимались они!..

(т. 1, с. 157).

Поэта интересует не внешняя сторона событий, а их внутренняя суть – человек перед лицом смерти. Тем самым он переводит изображаемое из современного ему конкретно-исторического плана в план вневременной, подчеркивая общечеловеческий смысл извечного противостояния, осложненного в «Чуме» его предельной катастрофичностью. Как и у Пушкина, автора «Пира во время чумы» и «Героя», буйство «чумы» в стихотворении Лермонтова – своего рода экспериментальная и в то же время глубоко символическая «ситуация, позволяющая воплотить трагический поединок человека с неустрашимым злом, испытать стойкость человеческого духа в самых губительных для него условиях» [Грехнев, 1994, с. 273].

Поэтический замысел обусловил необычную форму стихотворения. Лермонтов акцентирует его фрагментарность – не только подзаголовком «Отрывок», но и нумерацией строф – с 79-й по 84-ю. Благодаря этому создается впечатление, что «Чума» – фрагмент какого-то большого произведения, на самом деле не существующего. Такой прием, когда стихотворение начиналось как бы не с «начала» (родственный приему «эквивалента текста»), позволял опускать описание самих событий «страшного года»: предполагалось, что оно содержится в «предыдущих», «опущенных» (ненаписанных) строфах. Нумерация как бы намекает на существование некоего фона – общей картины бедствий и страданий человеческих (его легко бы мог восстановить читатель-современник Лермонтова, если бы стихотворение попало ему в руки), в контексте которого ведется рассказ о судьбе двух друзей.

Лермонтов избирает в «Чуме» форму повествования от третьего лица, обеспечивающую автору взгляд со стороны. Поэт показывает здесь разные типы поведения личности перед лицом смерти. Один, юный «годами и душой», «с тоской и ужасом глядел на голодный мор», «молился, плакал» «день и ночь», отталкивая от себя «и сон, и пищу прочь». Он, предчувствуя скорое приближение смерти, словно ждал ее. «И час пробил!»:

...нежнейший друг
Стал медленно слабеть. – Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
Закрыл – хотя б один последний стон!
(т. 1, с. 158).

Лермонтов поэтизирует медленное угасание «нежнейшего друга» на глазах у его старшего товарища, опуская страшные «клинические» подробности болезни. Не это занимает поэта: его взгляд устремлен к внутреннему миру личности. Ему важно увидеть, как душа, пребывая на грани жизни и смерти, мучительно страдая и тоскуя, покидает пределы земного бытия.

Другой вариант поведения личности представлен в образе второго героя – человека, некогда страстного, но постигшего «жизни зло» и охладевшего, но не утратившего, тем не менее, ни желания жить, ни способности любить, готового забыть о себе в минуту смертельной опасности. Состояние героя передается с помощью многочисленных глаголов, быстро сменяющих друг друга, обозначающих внешние признаки нарастающего душевного волнения, подавляемого мощным усилием воли.

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумьи руки – но молчал
(т. 1, с. 158).

Весь облик старшего друга («Как сумасшедший, руки сжав крестом, / Стоял...»), в «оцепенении», безмолвно («с открытым ртом») взирающего на «кончину» своего юного товарища, красноречиво свидетельствует о глубине и силе переживания¹⁶.

В начальный период творчества, разрабатывая принципы раскрытия внутреннего мира личности, Лермонтов охотнее обращается к форме непосредственного, прямого самовыражения – «изнутри», наиболее свойственной лирическому роду и художественной индивидуальности самого поэта. В «Чуме» же иной способ показа душев-

¹⁶ В свете выразительной психологической детали, характеризующей состояние героя, потрясенного смертью своего юного друга («Он хотел смеяться...») становится понятной природа «странного» смеха Печорина, только что потерявшего Бэлу («Я, знаете, больше для приличия хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб» [Лермонтов, т. 6, с. 237]), не понятая не только Максимом Максимычем, но и теми читателями, которые имеют обыкновение испытывать «несчастную доверчивость» «к буквальному значению слов».

ного состояния человека – «извне». Тем интереснее одна из первых попыток подобного изображения у Лермонтова¹⁷.

Ситуация, положенная в основу стихотворения, при всей внешней событийности является лирической по своей сути, так как персонажи раскрываются в ней прежде всего с их внутренней, психологической стороны. Вместе с тем последний мрачный штрих:

Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...
(т. 1, с. 158)

– вводит лирическую ситуацию в некую общую эпическую картину, в тот самый контекст со-бытия, на который указывает нумерация строф.

В повествовании о судьбе двух друзей ощущается присутствие автора. Его волнение, скрытое за эпически спокойной, сдержанной интонацией начала стихотворения, прорывается в финале в скорбном многоточии, завершающем «отрывок» («и зажгли...»). Рассказ о романтической дружбе двух избранных существ, разлучаемых смертью, – не просто переживание автором каких-то частных подробностей «страшного года». Это прежде всего попытка поэта решить один из самых личных, мучительных для него вопросов – вопрос жизни и смерти – как вечный и общий, отстраняясь от своего «я», в форме зримых художественных образов.

Лермонтовым была написана еще и 85-я строфа, повествующая о смерти второго героя. Вариант автографа:

Когда ж потом в себя пришел живой
И увидал, что унесен мертвец,
Он завернулся в плащ широкий свой,
Чтоб ожидать бестрепетно конец.
И стал в глазах двоиться луч дневной,
Глава отяжелела, как свинец,
И душу рок от тела оторвал
И, будто сноп, на землю он упал!
(т. 1, с. 347).

Однако поэт зачеркивает эту строфу (вероятно, потому, что тема стихотворения – человек перед лицом смерти – уже исчерпана), завершая его многоточием. Финальное многоточие, сообщая производству видимость сюжетной оборванности, незавершенности,

¹⁷ Прием внешнего изображения внутренних переживаний личности Лермонтов перенесет позднее и в прозу. Так, например, будет описано в «Герое нашего времени» состояние Печорина у постели умирающей Бэлы: «“Воды, воды!” – говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели. Он *сделался бледен*, как полотно, *схватил* стакан, *налил и подал ей*» [Лермонтов, т. 6, с. 237].

здесь как бы указывает на возможность различных вариантов отношения к со-бытию, таящему в себе для человека угрозу не-бытия. Из множества вариантов Лермонтов выбирает лишь два, включая переживание их в орбиту собственных размышлений о жизни и смерти. Поэтому «Чума» органично вписывается в поток раздумий Лермонтова над вечными вопросами бытия. Так оправдывается авторская помета – «Отрывок».

* * *

Два автора с разными творческими судьбами, которым пришлось пережить один из драматических моментов русской истории. Один – А. А. Орлов, «низовой» беллетрист, написавший «московскую повесть», по собственному признанию, единственно для того только, чтобы не умереть с голоду. Он «попал в точку боли», найдя в нужное время нужные слова. Неожиданный успех «духоподъемной» повести был кратковременным. Результатом цензурных преследований, вызванных опасением, что последующие «сочиненьица» Орлова могут иметь вредное влияние «на низший класс читателей», становятся безденежье, болезнь... Создатель «Встречи Чумы с Холерою» умрет в Марининской больнице для бедных.

Другой – М. Ю. Лермонтов, юный поэт, которому еще предстоит пройти трагически короткий, но блистательный путь в литературе, обогатив ее «историей души человеческой». Лермонтов получил реальный опыт пребывания перед лицом смерти – у «бездны мрачной на краю», который не мог не отразиться в его творчестве. Переживание смерти способствовало постижению вечной антиномии бытия – смерти и бессмертия – в ее диалектическом единстве, что насыщало его творчество философской глубиной и вневременным содержанием.

Библиографические ссылки

Азадовский М. К. Фольклоризм Лермонтова // Лит. наследство. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. 43–44. М. Ю. Лермонтов. I. С. 227–262.

Березкина С. В. А. А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830–1833 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Л. : Наука, 1987. Вып. 21. С. 181–185.

Герцен А. И. Былое и думы : [в 2 ч.] // Герцен А. И. Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1975. Т. 4. 336 с.

Гоголь Н. В. – А. С. Пушкину. СПб. Августа 21 <1831> // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 9 т. М. : Рус. книга, 1994. Т. 9. Письма. С. 49–51.

Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород : Н. Новгород, 1994. 462 с.

Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение. Н. Новгород : Нижегород. гуманитар. центр, 1997. 200 с.

Дневник пастора Губера с 6-го по 31-е августа 1830 г. // Рус. старина. 1878. Т. 22. С. 581–590.

Ермоленко С. И. Отрывок: фрагментарность мира и целостность лирического переживания // Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург : [Б. и.], 1996. С. 125–155.

Зейферт Е. И. Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии. Романтический отрывок : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2014. 380 с.

Зырянов О. В. Ситуация любви к мертвой возлюбленной в русской поэтической традиции // Изв. Урал. гос. ун-та. 2000. № 17. С. 57–74.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 6 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1957.

Миллер О. В. Могила бойца // Лермонтовская энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1981. С. 281–282.

Орлов А. Встреча Чумы с Холерой, или Внезапное уничтожение всех замыслов человеческих : московская повесть. М. : Университет. тип., 1830. 23 с. // Bibra.ru : [сайт]. URL: <https://bibra.ru/composition/vstrecha-chumy-s-holeroyu-ili-vnezapnoe-unichtozhenie-zamyslov-chelovecheskih/> (дата обращения: 14.02.2022).

Остроглазов В. М. Холера в Москве в 1830 году // Рус. архив. 1904. № 9. С. 95–109.

Попов К. И. Записки о Саратове // Саратовский край : ист. очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов : Паровая скоропечатня Губерн. правления, 1893. С. 155–236.

Прокопенко Л. Саратовское стихотворение поэта // Ленинский путь. Саратов, 1962. 6 окт. // Library.sgu.ru : [сайт]. URL: <http://library.sgu.ru/elcol/0512.htm> (дата обращения: 15.02.2022).

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : 10 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1951.

Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 632 с.

Сандомирская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // Пушкин : Исследования и материалы. Т. 9. Л. : Наука, 1979. С. 69–82.

Смирнов А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 187 с.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М. : Сов. писатель, 1965. 303 с.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 255–270.

Шомпулев В. А. Из дневника жандарма 30-х годов : (Записки старого помещика) // Рус. старина. 1897. Т. 90. № 5. С. 261–269.

Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток – Запад : Исследования. Переводы. Публикации. М. : Наука, 1989. Вып. 4. С. 18–55.

References

Azadovskii, M. K. (1941). Fol'klorizm Lermontova [Lermontov's Folklore]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vols. 43–44. M. Yu. Lermontov. I, pp. 227–262.

Berezkina, S. V. (1987). A. A. Orlov i antibulgarinskaya bor'ba 1830–1833 gg. [A. A. Orlov and the Anti-Bulgarian Struggle of 1830–1833]. In *Vremennik Pushkinskoi komissii*. Leningrad, Nauka. Iss. 21, pp. 181–185.

Dnevnik pastora Gubera s 6-go po 31-e avgusta 1830 g. [The Diary of Pastor Huber from August 6 to August 31, 1830]. (1878). In *Russkaya starina*. Vol. 22, pp. 581–590.

Ermolenko, S. I. (1996). Otryvok: fragmentarnost' mira i tselostnost' liricheskogo perezhivaniya [Excerpt: The Fragmentariness of the World and the Integrity of Lyrical Experience]. In Ermolenko, S. I. *Lirika M. Yu. Lermontova: zhanrovye protsessy*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 125–155.

Gogol N. V. – A. S. Pushkinu. SPb. Avgusta 21 <1831> [Gogol N. V. to A. S. Pushkin. St Petersburg. August 21 <1831>]. (1994). In Gogol', N. V. *Sobranie sochinenii v 9 t*. Moscow, Russkaya kniga. Vol. 9. Pis'ma, pp. 49–51.

Grekhnev, V. A. (1994). *Mir pushkinskoi liriki* [The World of Pushkin's Lyrical Poetry]. Nizhnii Novgorod, Nizhnii Novgorod. 462 p.

Grekhnev, V. A. (1997). *Slovesnyi obraz i literaturnoe proizvedenie* [Verbal Image and Literary Work]. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gumanitarnyi tsentr. 200 p.

Herzen, A. I. (1975). *Byloe i dumy v 2 ch.* [My Past and Thoughts. 2 Parts]. In Gertsen, A. I. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Pravda. Vol. 4. 336 p.

Lermontov, M. Yu. (1954–1957). *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected Works. 6 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Miller, O. V. (1981). Mogila boitsa [The Grave of the Fighter]. In *Lermontovskaya entsiklopediya*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 281–282.

Orlov, A. (1830). Vstrecha Chumy s Kholeroyu, ili Vnezapnoe unichtozhenie vsekh zamyslov chelovecheskikh. *Moskovskaya povest'* [The Meeting of Plague with Cholera, or The Sudden Destruction of All Human Plans: A Moscow Story]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 23 p. In *Bibra.ru* [website]. URL: <https://bibra.ru/composition/vstrecha-chumy-s-holeroyu-ili-vnezapnoe-unichtozhenie-zamyslov-chelovecheskih/> (accessed: 14.02.2022).

Ostroglov, V. M. (1904). Kholera v Moskve v 1830 godu [Cholera in Moscow in 1830]. In *Russkii arkhiv*. No. 9, pp. 95–109.

Popov, K. I. (1893). Zapiski o Saratove [Notes about Saratov]. In *Saratovskii krai. Istoricheskie ocherki, vospominaniya, materialy*. Iss. 1. Saratov, Parovaya skoropechatnaya Gubernskogo pravleniya, pp. 155–236.

Prokopenko, L. (1962). Saratovskoe stikhotvorenie poeta [Saratov Poet's Poem]. In *Leninskii put'*. Saratov. October 6. In *Library.sgu.ru* [website]. URL: <http://library.sgu.ru/elcol/0512.htm> (accessed: 15.02.2022).

Pushkin, A. S. (1950–1951). *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* [Complete Works. 10 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Reitlat, A. I. (2016). *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'ant sekretnoi politzii* [Thaddeus Venediktovich Bulgarin: Ideologist, Journalist, Consultant of the Secret Police]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 632 p.

Sandomirskaya, V. B. (1979). "Otryvok" v poezii Pushkina dvadtsatykh godov ["Excerpt" in Pushkin's Poetry of the Twenties]. In *Pushkin. Issledovaniya i materialy*. Vol. 9. Leningrad, Nauka, pp. 69–82.

Shompulev, V. A. (1897). Iz dnevnika zhandarma 30-kh godov. (Zapiski starogo pomeschika) [From the Diary of a Gendarme of the 30s. (Notes of an Old Landowner)]. In *Russkaya starina*. Vol. 90. No. 5, pp. 261–269.

Seifert, E. I. (2014). *Neizvestnye zhanry "zolotogo veka" russkoi poezii. Romanticheskii otryvok* [The Unknown Genres of the "Golden Age" of Russian Poetry. Romantic Passage]. Moscow, Flinta, Nauka. 380 p.

Smirnov, A. A. (1994). *Romanticheskaya lirika A. S. Pushkina* [Romantic Lyrical Poetry by A. S. Pushkin]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 187 p.

Tynyanov, Yu. N. (1965). *Problema stikhotvornogo yazyka* [Problems of Poetic Language]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 303 p.

Tynyanov, Yu. N. (1977). Literaturnyi fakt [Literary Fact]. In *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moscow, Nauka, pp. 255–270.

Yarkho, B. I. (1989). Iz knigi "Srednevekovye latinskie videniya" [From the *Medieval Latin Visions Book*]. In *Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii*. Moscow, Nauka. Iss. 4, pp. 18–55.

Zyryanov, O. V. (2000). Situatsiya lyubvi k mertvoi vozlyublennoi v russkoi poeticheskoi traditsii [The Situation of Love for a Dead Lover in the Russian Poetic Tradition]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 17, pp. 57–74.

The article was submitted on 10.11.2022